

Беседа на Пс.130*

Пс.130:1. Господи, не вознесётся сердце мое, ниже вознесостесь очи мои¹.

1. Этот краткий псалом, требующий скорее аналитического, нежели проповедческого рассмотрения, дает нам урок смирения и кротости. Поскольку у нас есть большое количество других мест², говорящих о смирении, то нет нужды повторять сейчас то же самое. Конечно, мы должны помнить, как велик недостаток нашей веры, стоящей в смирении, когда мы слышим пророка говорящим о нём как о равнозначном совершению превосходнейших дел: «Господи, не вознесётся сердце мое». Ибо утесненное сердце – замечательнейшая жертва в глазах Божиих (ср. Пс.50:19). Поэтому, сердце не должно возноситься преуспеванием, но, по страху Божию, смиренно держаться в пределах кротости.

Ниже вознесостесь очи мои.

2. Точное значение греческого перевода³ выражает иной смысл: οὐβὲ ἐρετρωρίσθησα ὀφθαλμοί μου, т. е. «не возносились» от одного объекта ради взгляда на другой. Покамест, глаза должны «возноситься» в соответствии со словами пророка: «Воззрите на высоту очима вашима и видите, кто сотвори сия вся» (Ис.40:26). И Господь говорит в Евангелии: «Возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже» (Ин.4:35). Далее, глаза были возведены, однако, не переместили взгляд на что-либо иное, но пребыли неподвижно на том, к чему возводились.

3. Затем следует:

Ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене⁴.

Наиболее опасно – ходить среди вещей ничтожных и не задерживаться среди «дивных». Божьи глаголы – «велики»; Он Сам – «дивен» в вышних: как, тогда, может Псалмопевец ставить себе в заслугу то, что он не ходит среди вещей «великих» и «дивных»? Здесь есть еще слова: «что выше меня», которые показывают, что-то хождение не среди тех вещей, которые люди обычно считают «великими» и «дивными». Ибо Давид, пророк и царь, некогда был уничижен и презрен, и недостоин сидеть за столом своего отца, но обрел благоволение у Бога, был помазан в царя, вдохновлен пророчествовать. Царствование не сделало его надменным, он не был движим ненавистью: он любил тех, кто преследовал его, оказывал честь своим мертвым врагам, щадил своих, виновных в кровосмешении и убийстве, детей. В его положении правителя он был презираем, поскольку был уязвим как отец, страдал как пророк; вдобавок, он не призывал возмездия, как мог бы пророк, не настаивал на наказании как отец, не отмщал за обиды как правитель. Таким образом, он не ходил среди вещей «великих» и «дивных», которые были выше его.

4. Давайте посмотрим, что следует далее:

Пс.130:2. Аще не смиреномудрствовах, но вознесох душу мою⁵.

Какая несообразность на долю пророка! Он не возносит своего сердца: он возносит свою «душу». Он не ходит среди вещей «великих» и «дивных»,

которые выше его; однако, мысли его не ничтожны. В разуме он возвышен, в сердце же – сокрушен. Он скромно в своих поступках, но не убог в мышлении. Ибо мысль его достигает небес, душа вознесена горе. Но сердце его, – из которого, согласно Евангелию, «исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы» (Мф.15:19), – смиренно, преклонено долу благим игом послушания. Нам следует держаться срединного курса между застенчивой скромностью и превозношением, чтобы мы могли быть смиренными в сердце, но вознесенными в душе и мышлении.

5. Далее он продолжает:

Яко отдоёное на матеръ свою, тако въздási на дúшу мою⁶⁾.

Мы говорили, что, когда Исаак был отнят от груди, Авраам устроил пир, ибо отнятый от груди стал на границе отрочества и миновал пределы питания молоком. Апостол всех, кто несовершен в вере и еще младенец в предметах Божиих, кормит молоком познания. Таким образом, переставать нуждаться в порциях молока – существеннейшее достижение. Радостное торжество объявил Авраам, когда его сын достиг твердой пищи, и апостол отказывает в хлебе помышляющим плотское и тем, кто – младенцы во Христе. Соответственно и пророк молит Бога так, потому что не возносит своего сердца, не ходит среди вещей «великих» и «дивных», кои выше его; поскольку мыслью он не согбен, но возносил душу свою, то может воздать должное своей душе, лежащей как отнятое от груди дитя при матери своей, т. е. сказать, что он может считаться достойным награды истинного, небесного и живого Хлеба, так как, по его уже отмеченным делам, он теперь минует этап питания молоком.

6. Но он просит этот живой хлеб с небес не только для себя, он призывает к таковой надежде всё человечество, говоря:

Пс.130:3. Да уповает Израиль на Господа отныне и до века».

Он не ставит временного предела нашей надежде: ожидание нашей веры он предлагает продлить до бесконечности. Мы – к упованию от века и до века, завоеывая упование будущей жизни⁷⁾ через упование жизни нынешней, которую мы имеем во Христе Иисусе Господе нашем, благословенном от века и до века. Аминь.

1) «Господи! не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои».

2) Священного Писания.

3) Септуагинты.

4) «Не входил я в великое и дивное, что выше меня» (здесь и далее в примечаниях – перевод П. А. Юнгера).

5) «Если я не смиренномудрствовал, но возносился душою моею».

6) «Как вскормленное дитя к матери своей, то так и воздай душе моей».

7) Очевидное недомыслие. Надежда, как и вера, присуща только эпохе домостроительства и теряет свое значение в веке будущем – когда мы увидим «лицем к лицу» (1Кор.13:12), тогда из «трех, пребывающих ныне» (1Кор.13:13), значение сохранит только любовь, которую св. апостол и называет «большой» (прим. пер.).

* Статья прот. Александра Мёня из его «Словаря по библиологии»: Святитель Иларий Пиктавийский (Hilarius Pictaviensis) (ок. 315–67), зап. Отец Церкви,

один из первых латинских экзегетов. Родился в г. Пиктавии (ныне г. Пуатье, Франция). По некоторым сведениям, Иларий пришел к христианству в результате самостоятельных духовных поисков, хотя некоторые биографы считают, что он с детства получил христианское воспитание. Своей обширной образованностью Иларий обязан родителям, богатым галльским аристократам. Он знал греческий язык, начала философии и классической риторики. Крещение Иларий принял, будучи уже отцом семейства, а вскоре его единодушно избрали на кафедру Пиктавии (ок. 353 г.). Годы святительства Илария пришлись на период арианских споров, в которых он принял горячее участие, выступая как защитник Православия. Господство ариан при дворе императора Констанция привело к гонениям на Илария. Епископ Арльский Сатурнин оклеветал его и добился ссылки в Малую Азию. Но и там святитель не прекращал борьбы, составляя трактаты против еретиков. На Востоке он познакомился с греческой церковной традицией и еще больше укрепился в своем противостоянии арианам. В 360 г. он возвращен в Галлию, а его противник Сатурнин низложен на Парижском соборе. Однако до конца жизни Илария силы ариан на Западе оставались несломленными.

Первое экзегетическое произведение Илария - комментарий на Евангелие от Матфея, составленный им в начале своего служения. Не установлено, насколько этот труд создавался под влиянием Оригена, но очевидно, что Иларий предпочитал уделять больше внимания тем местам, которые требовали не прямого исторического толкования, а иносказательного. Главным принципом Илария как экзегета всегда оставались поиски «таинственного смысла» Писания.

Еще больше, чем в комментарии на Евангелие от Матфея, проявился этот момент в «Толковании на псалмы» (оно сохранилось лишь частично). В этих комментариях Иларий углубил свою экзегезу, часто обращаясь к греческому тексту ввиду несовершенства существовавших тогда латинских переводов. Еврейским оригиналом Иларий пользовался, прибегая к помощи своего сподвижника Илиодора (Толкование на **Пс.2:2**). Применяя на практике аллегоризм, святитель не считал его единственным возможным подходом к Библии. «Он хотел, - как замечает архиепископ Филарет (Гумилевский), - идти средним путем между бездушием буквалиста и своеволием аллегориста, но иногда более склонялся к аллегориям».

Толкования Илария на книгу Иова уцелели в отрывках. Судя по ним, это было лишь свободное изложение комментария Оригена. Есть сведения о толковании Илария на Песнь Песней и послания апостола Павла, которые до нашего времени не дошли.